

люболюбие прощает «слабости» — вот почему слабый сладострастный принц достоин сожаления. Оба эти положения легли в основу образа Эраста, виновного в гибели бедной Лизы и не вполне повинного в ней.

Нельзя принижать историческое значение образа Эраста, первого в русской литературе образа, вышедшего за грани схематических положительных и отрицательных персонажей. Огромную роль для литературы играла мысль о необходимости изображения не схемы, а человека, «каков он есть», с его достоинствами, пороками, многообразием страстей, мысль, которую приходилось отстаивать Пушкину уже в 20-е годы XIX столетия.

Однако этика всепрощения и анализ произведения вне заключенного в нем общественного содержания приводят к тому, что, посвятив «Эмили Галотти» семнадцать страниц, рецензент не обмолвился о тираноборческом пафосе пьесы. «Главное действие возмутительно, но не менее того естественно. Римская история представляет нам пример такого ужасного дела. Одоардо был в таких же обстоятельствах, как и оной римлянин, имел такой же великий дух, гордую чувствительность и напыщенное понятие о чести», — так характеризуется конфликт трагедии. «Возмутительным», «ужасным» оказывается не самодурство феодального князька, а лишь дочереубийство. Детально анализируя переживания Одоардо, сочувствуя ему, Карамзин не слышит протеста в его монологах, не видит, что само убийство Эмили является формой протеста против феодального насилия, и сводит все к «напыщенному понятию о чести».

Проблема характера является центральной и в других рецензиях «Московского журнала». По поводу комедии Брандеса «Граф Ольсбах»³³ замечается, что в ней много действующих лиц, но в «характерах не найдешь ни одной сильной черты», обращается внимание на то, что трафарет в выражении чувств ослабляет впечатление, что «поведение героя в частном случае должно соответствовать его характеру в целом и нельзя, например, заставить плакать без конца мужественного человека». Едва ли нужно говорить, насколько важными для русской драматургии были подобные указания. Своевременность их подтверждается статьями Крылова и Плавильщикова. Противники Карамзина оказывались его невольными союзниками, также постоянно доказывая, что основой драматического произведения должно быть действие, а не разговоры, что характер персонажа должен раскрываться в его поступках.³⁴

В рецензии на роман Хераскова «Кадм и Гармония» Карамзин отмечает, что многое в нем «отзывается новизною... противно

³³ Там же, стр. 353—357.

³⁴ См.: И. А. Крылов, Полное собрание сочинений, т. I, М., 1945, стр. 101—102, 250, 263, 392 и др.; П. А. Плавильщиков, Сочинения, т. IV, М., 1816, стр. 63.